И.В. Анненкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anneirina@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Современная медиакартина мира сегодня формируется в основном за счет четырех генеральных стратегий дискурсивной деятельности СМИ: стратегии катастрофы, стратегии обмана, стратегии гедонизма и стратегии предельного секуляризма-десакрализации. Последняя находится в русле общей тенденции, берущей свое начало еще в XVI в. и обозначенной как кощунство. Эта стратегия, так же как и три другие, непреложно приводит к изменению парадигмы национального менталитета, к утрате связей с традиционной, архетипичной топикой национальной культуры, а следовательно, к изменениям-искажениям в национальной картине мира.

Ключевые слова: *медиакартина мира, четыре стратегии медиадискурса, стратегия катастрофы, стратегия обмана, стратегия гедонизма, стратегия предельного секуляризма-десакрализации, кощунство,архетипичная топика национальной культуры.*

Nowadays modern media-picture of the world is formed generally by four main strategies of discursive occupation of mass media: catastrophe strategy, lies strategy, hedonism strategy and maximum secularism-desacralisation strategy. The latter is situated in the common tendency channel. This tendency originates in XVI century and is denoted as blashemy. This strategy, as well as previous three ones, indisputably leads to changes of paradigm of ethnic mentality. It also leads to loss of touch with traditional topic of ethnic culture. And as a result it leads to changes-distortions (misrepresantaitions, -preversions) in the ethnic picture of the world.

Key words: *media-picture of the world, four strategies of media-discuorse, catastrophe strategy, lies strategy, hedonism strategy, maximum secularism-desacralisation strategy, blashemy, topic of ethnic culture.*

Современный западный мир, культурную основу которого когда-то составляло христианство, утратил этот стержень и фактически превратился в полностью безрелигиозное, секулярное общество. Европа давно уже живет в постхристианской “вере”, оторванная от своего морально-нравственного фундамента. Конечно, остался формальный свод заповедей и ритуалы, но не они руководят мыслями и действиями западноевропейского человека: все определяет “*здравый смысл*”. Более того, внутри западного общества образовалось какое-то другое, причем откровенно враждебное всем ценностям христианской цивилизации.

Многие русские и западноевропейские философы и политологи (А. Солженицын, Стивен Коэн, Павел Хлебников, А. Агеев) с на-

деждой обращают свои взоры на Россию как на своеобразный последний "резерв" христианской цивилизации. Причем экономическая и военная слабость, по их мнению, вряд ли помешают ей на этом пути [Агеев, 2002, с. 24—27].

Однако надежды — это одно, а реалии жизни, как материальной, так и духовной, — это совсем другое. В практике мировой политологии принято считать, что жизненность государства, его безопасность, а следовательно, его живучесть в мировой истории характеризуются четырьмя основными показателями:

— государственная территория, в собирание и развитие которой вложены колоссальные труды всех предшествующих поколений;

— количество и качество населения государства;

— материально-техническое богатство, состоящее из природных ресурсов и всего того, что создано руками народа на протяжении веков и в современный период;

— образ жизни его населения.

Последний критерий жизнеспособности и стабильности государства — это духовная компонента национальной безопасности.

В XX в. уклад жизни народов России дважды подвергался коренной ломке. После Октябрьской революции стал насаждаться искусственный, построенный на чисто теоретических предпосылках так называемый советский образ жизни, основными чертами которого было подчинение личности интересам государства, отказ от религии, переходящий в воинствующий атеизм, проскрипция частной собственности, нивелировка личности.

События 1991 г. привели к новой, не менее разрушительной ломке образа жизни населения. На смену коммунистическому утопизму пришла агрессивная политика навязывания обществу чужого образа жизни, заимствованного из практики западных стран. В срок, равный историческому мгновению, были сломаны юридические, морально-нравственные устои общества. Впервые в истории России государство сняло с себя всякую ответственность за материальную и духовную жизнь народа. Вся привычная шкала жизненных ценностей человека была исковеркана. Все, на чем строилось воспитание личности, начиная с библейских заветов и кончая "кодексом строителя коммунизма", было в одночасье опрокинуто. *Деньги стали единственным мерилом успеха в жизни, все духовное было попрано и подвергнуто* ***осмеянию*** [Леонов, 2003, с. 522—523].

Собственно, это внешние исторически сложившиеся реалии, в которых существует Россия сегодня. Тектонические сдвиги в социальной, политической, культурной жизни России не могли не отразиться в языке. Ведь язык, как пишет А. А. Леонтьев, "есть важнейший ориентир человека при его деятельности в мире" [Леонтьев, 1997, с. 282]. А мир "*событийствует*" (М.К. Мамардашвили)

не вне нас, не независимо от нас. Мы участники этого "событийствования". Мы часть этого мира, находящаяся в непрестанном общении с другими его частями. И без нашей мысли, нашего отражения мира, нашего действия в мире мир будет *другим миром*.

Значит, мир, который окружает нас сегодня, создан нами самими, теория творческого характера языка и речевого акта, сформулированная В. Гумбольдтом, А.А. Потебней, К. Фосслером, Бенедетто Кроче, П.М. Бицилли, по-прежнему актуальна и действенна? Каков же этот русский культурный мир сегодня? И можно ли его назвать русским? И можно ли его назвать культурным?

Прав был отец Павел Флоренский, когда выводил понятие *культуры* из понятия *культ* (конечно же в первом, религиозном значении). Именно в лоне того или иного культа, той или иной религии, формируется культура (христианская, мусульманская, языческая, буддистская и т.д.). И внутри всякого культа существует *иерархия священных, или сакральных,* понятий, которая формирует иерархию ценностей уже всей культуры, сложившейся под воздействием данного культа.

Но сначала вспомним, что же такое "*священный*"?

1. Религ. церк. Обладающий святостью, признаваемый божественным // Связанный религиозным культом, выполнением религиозных обрядов, относящийся к богослужению.

2. Глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и *заветное*; святой.

3. Вызываемый, порождаемый благоговением перед чем-либо, глубоко почитаемым, высоким; *благоговейный*.

4. Освященный высокой целью, благородный.

5. *Неприкосновенный или незыблемый, нерушимый* в силу своей важности, значительности и т.д. [МАС: IV].

У Вл. Даля священный трактуется через понятие *святой // освященный // заветный, нерушимый*.

Таким образом, *священные* понятия формируются внутри религии, выходят из нее, непосредственно с ней связаны. Значит, если попытаться сформулировать систему священных понятий, на первом месте окажутся тексты Священного Писания (речь идет о контексте всех авраамических религий: христианства, мусульманства, иудаизма), а также, согласно православной традиции (в России 85% населения исповедует православие), события и имена Священного Предания. Сюда же следует отнести названия таинств, обрядов, предметов культа и т.п. Понятия, которые не относятся непосредственно к тому или иному культу, но освящены традиционными благоговейно-почтительными коннотациями, также следует рассматривать как сакральные, священные. Тем более что многие из них сакральностью своей "обязаны" опять-таки Священным

текстам. Имеются ввиду такие понятия, как *земля* (и входящие в семантическое поле этого слова — родина, отечество, патриотизм); *мать, отец, человек, личность, лицо (лик)*, вообще *тело человека (и его части), народ, нация* и т.п. Особо подчеркнем роль *традиции* в формировании священного оттенка значения. Именно она является базовым основанием для того, чтобы отнести ту или иную культуру к высококонтекстной, т.е. к такой культуре, в которой большая часть информации существует на уровне контекста (внутреннего или внешнего). Признаками высококонтекстных культур считаются их традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам [Леонтович, 2007, с. 32, 349, 352]. Традиция той или иной национально-религиозной культуры является важнейшим фактором в установлении норм (поведенческих и языковых). Усвоенные человеком нормы культуры кажутся естественными, но это не так. Нормы христианской культуры не адекватны нормам культуры языческой или мусульманской, и наоборот. Поэтому нет и не может быть так называемых *общечеловеческих ценностей*.

Итак, каким образом секуляризируются, т.е десакрализуются, собственно священные понятия? В первую очередь через *кощунство*, т.е. оскорбление религиозной святыни. Но кощунство сегодня не равно кощунству, например, в XII и тем более — в XVII в. В.М. Живов пишет об этом так: «Прежде всего следует иметь в виду, что в традиционной (“допетровской”) системе православной культуры всякая игра с сакральными текстами или церковным обрядом не может не восприниматься как кощунство; священные тексты могут появляться лишь в сакральном контексте, причем эта взаимосвязь настолько сильна, что предметы и лица, попадающие в сакральный контекст, сами по себе сакрализуются» [Живов, 2002, с. 641]. Конечно, процесс секуляризации — очень длительный и неравномерный: в нем просматриваются более интенсивные и менее интенсивные периоды. Так, например, XVIII век в России стал веком активной секуляризации не только внутрицерковной жизни, монастырского устройства, но вообще всех сторон жизни русского общества. «Само правительство высказывало порой стыдливое опасение, чтобы в русской религиозности что-нибудь не могло дать противным способа к поношению на православных, и для этого старались сокращать число часовен, чудотворных икон, крестных ходов... Сама внешность священника того времени принимала мужицкий характер, и порядочный человек XVIII столетия гнушался своего пастыря, ибо де “от него плохо пахнет”. В “просвещенный век” Екатерины II духовное лицо уже до того сделалось “подлым”, что среди дворянства к нему с презрением

относились и старый и малый, над ним издевалась литература, издевалось образованное общество, в котором ругнуть попа считалось признаком хорошего тона и свободного от суеверий образования...» [Саввино-Сторожевский, 2007, с. 131]. Сегодняшнее религиозно-языковое сознание не так остро реагирует на выпады в его адрес, а иногда оно уже просто не ощущает в этих выпадах собственно кощунство. Вот несколько примеров. В “Новых известиях” от 29 октября 2002 г. (с. 3) в “Теленеделе” с Еленой Кацюбой читаем: “Сила есть — ума не надо. Оказывается, надо. И вот часа четыре спустя *явилась* на экране *троица единосущная и нераздельная*: Путин, Патрушев, Грызлов” (курсив везде наш. — *И.А.*) (“Газовый Газават”). Большинство читателей увидит в этой фразе христианскую реминисценцию, но человек верующий воспримет подобную фразу только как кощунство, ибо Имя Божие — Троица Единосущная и Нераздельная — мало того, что написано со строчной буквы, но сопряжено с фамилиями обыкновенных людей, пусть даже обладающих огромной властью.

В небезызвестной модной сегодня книге про Гарри Поттера название помела (традиционного атрибута злых сил) “Нимбус 2000” или имя колдуна “Златопуст” (явная “обезьяна” Златоуста) не могут не восприниматься как явно антихристианские выпады.

Но уже высказывание Юрия Черниченко в авторской программе Маркелова (3-й канал, ТВЦ — 9 апреля 2003 г.) о чиновниках, которые продают землю для того, чтобы обеспечить себе безбедное существование “и ныне, и присно, и вовеки веков” кажется всего лишь удачной цитатой, удачным прецедентным феноменом. Между тем своего кощунственного значения эта “удачная” цитата тем самым не лишается.

В еще меньшей степени современное языковое сознание улавливает кощунственные манипуляции с понятиями *харизма, харизматический*. Изначально “*харизма*” (греч. charisma — дар) — теологический термин, принятый для обозначения девяти особых даров Святого Духа, излитых им на апостолов в Иерусалимском храме на празднике Пятидесятницы (1 Кор. 12: 8—12). В общехристианском представлении духовные дары классифицируются по тройственному принципу:

1) дары откровения: мудрость, знание и умение различать духов;

2) дары силы: вера, чудеса и исцеления;

3) дары речи: пророчества, иноязыки и их толкование.

В православной христианской традиции харизмой, т.е. даром Духа Святого, обладают священнослужители, в первую очередь епископы, как прямые наследники, преемники этих даров от апостолов. Именно о них говорят, что они обладают харизмой, харизматической властью, т.е. властью от Бога, от Духа Святого.

Вот как истолковывается это понятие в словаре-справочнике "Православие от А до Я": «Харизма (греч. "дар") — богословский термин для обозначения благодатных даров Духа Святого, первоначально излитых на апостолов в Иерусалимском храме в день Пятидесятницы и с тех пор непрестанно изливаемых на членов Церкви Христовой. Благодатно-духовное, харизматическое начало лежит в основе епископского, священнического, диаконского служения, определяя степень церковной иерархии, но также распространяется на мирян. Каждый христианин, в том числе не имеющий священного сана, может ***получить*** *дар Святого Духа и благословение Церкви* (курсив наш. — *И.А.*) на поприще определенного христиански оправданного служения. В истории Византии и России особо ответственным являлось царское служение православного мирянина, в которое его посвящала Церковь через особый обряд венчания на царство. Поскольку православие *прямо не связывает получение благодати с человеческими заслугами* (курсив наш. — *И.А.*) и рассматривает ее как *свободный дар Всемилостивого Бога* (курсив наш. — *И.А.*), восточное христианство весьма чутко относится к духовной одаренности каждого православного человека, будь то высокопоставленный иерарх Церкви, монах, не имеющий сана священника, простой мирянин или нищий юродивый. Людей, отмеченных особо проявляющейся благодатью Божией, почтительно именуют старцами и всенародно почитают еще при их жизни за исключительные *духовные качества*» (курсив наш. — *И.А.*) [Православие, 1986, с. 694—695]. Итак, *личные качества человека* (интеллект, доброта, ораторский талант или талант правителя) не являются основанием для получения харизмы в традиционном понимании этого слова. Конечно, под воздействием Благодати человек может и *должен* развивать свои дары, но нельзя их приписывать исключительно человеку, его самости, его "Я".

Между тем, в XX в. это понятие было заимствовано из теологии в политологию и обрело в последней статус научного (рационального) термина. Под *харизмой* сегодня понимается "особая одаренность личности в интеллектуальном, духовном или *каком-нибудь другом* (? — *И.А.*) отношении, вызывающие *преклонение* (! — *И.А.*) / прил. *Харизматический*: харизматический лидер (личность) — человек, наделенный в глазах его последователей — *адептов* — авторитетом, основанным на *его особых качествах* (курсив наш. — *И.А.*), героизме, мудрости, святости и т.п." [Словарь, 2002, с. 475].

Сегодня частотность употребления этого слова на всем медиапространстве очень высокая. Харизмой обладают и президенты, и губернаторы, и главари бандитов... В сентябрьском номере "Vogue" за 2002 г. Рената Литвинова, абсолютно светская львица, своими эстетическими принципами утверждающая антихристианские

ценности, заявляет в интервью, что при встрече с В.В. Путиным он ей показался *харизматичным*. И даже такой тонкий и чуткий исследователь, как С.Г. Кара-Мурза, в книге "Манипуляция сознанием" (2001) утверждает: "Если где-то и гнездится соблазн репрессий, то именно среди харизматических политиков-популистов" [Кара-Мурза, 2001, с. 167]. Причем употребляет он это слово с явно отрицательной коннотацией, противопоставляя "харизматических" (т.е. уже обладающих властью) несимпатичных ему политиков, оппозиции в лице Зюганова и коммунистов. В последних примерах сакральный смысл полностью выветрился из этого слова, практически можно говорить о полной "семантической переквалификации" этого священного термина. Не менее уважаемый и авторитетный политолог и публицист Н.С. Леонов идет дальше: он формирует (или констатирует) новую семантику этого слова (уже абсолютно секулярную): "М. Горбачев не был ни интеллектуальным магнитом, ни политическим вождем, не обладал он и личной *харизмой, т.е. особой индивидуальной привлекательностью*" (курсив наш. — *И.А.*) [Леонов, 2003, с. 8].

Подобная секулярная трактовка понятия *харизма* в трудах политологов и философов поддерживается филологами и таким образом узаконивается окончательно, так как лингво-когнитивное "узаконивание" того или иного значения оказывается истиной в последней инстанции. Приведем интересный пример из статьи Ю. В. Литвинова, опубликованной в журнале "Мир русского слова" в 2008 г. (№ 3). Речь в ней идет о заимствованиях. «В борьбе за языковое выживание необходимы *механизмы* и *программа*. Автору видится такой механизм. *Переводчики* обнаруживают, *русисты* оценивают и разрабатывают, *правоведы* оформляют через правовые акты, "*харизматики*" озвучивают, *проводники* ("*внедрители*") поддерживают и распространяют. Объясним "кто есть кто" в этой схеме <...> Под "харизматиками" имеются в виду популярные, известные личности — политики, ученые, телеведущие, "звезды", ведущие журналисты. Они должны поддерживать русскоязычные предложения в своих публичных выступлениях и частной жизни. Говорить по-русски грамотно, толково, красноречиво, должно быть престижно» [Литвинов, 2008, с. 26—27]. Сказать, что здесь представлена секулярная компонента в понимании термина харизма, было бы не совсем точно: перед нами уже, говоря эвфемистично, демократизированный термин. Причем морфологические и словообразовательные признаки слова "харизматики" демонстрируют не просто сниженность, а вульгаризацию его осмысления. (Как здесь не вспомнить маразматиков!) Харизмой в современном языковом сознании могут обладать даже лошади: "Ее (Изабель Верт. — *И.А.*) слова о Джиголо (гнедом жеребце Ганноверской по-

роды, 1983 года рождения), наиболее успешной лошади в мире, покорившей публику своей точностью и *харизмой* (! — *И.А.*), свидетельствуют о большой привязанности...” [Шмид-Кляймер, 2007, с. 119]. Конечно, этот пример — из разряда казусов. Но он аккумулирует в себе тенденцию в осмыслении этого понятия в средствах массовой информации. Причем расщепление священного абсолюта в семе этого термина прослеживается и в церковно-православном дискурсе. Так, в Определении Священного Синода Русской Православной Церкви о младостарчестве от 29 декабря 1998 г. читаем: “Нередко священники смешивают благодатный дар священства, получаемый при рукоположении, с особым *харизматическим даром духовничества* (курсив наш. — *И.А.*), который не дается при рукоположении” [Осипов, 2008, с. 25]. Ясно, что в такой трактовке понятий *священство, духовничество, харизма* наличествует элемент интерпретации (пусть даже не индивидуальной, а институциональной) священных понятий. Подобную интерпретацию можно назвать ***секулярной перекодировкой*** священного понятия.

Как видно из определений слова *священный* и из высказывания В.М. Живова, сакральные понятия и обозначения связаны с той или иной степенью табуизации, запретов на их употребление вне сакрального контекста, либо на чрезмерную частотность употребления вообще. Поэтому *детабуизация* также может быть рассмотрена как еще один прием десакрализации.

Останавливаться на активизации в современных СМИ лексики телесного низа нет нужды: об этом много сказано, хотя это тоже один из приемов десакрализации образа человека, низведение его до чисто физиологического уровня. Изъятие из триады Дух — Душа — Тело, составляющей полноту христианского представления о человеке, двух первых компонентов и гипертрофированная акцентация последнего полностью меняют и искажают место человека в современной картине мира. А значит, — искажают и саму картину мира. Надо заметить, что актуализация реалистического пафоса в отношении концепта “тело” в современном языковом сознании (и прежде всего в медиадискурсе) — это вульгарно-примитивная интерпретация художественного топоса *оживающей статуи*. Топоса, который в русской литературе наиболее ярко и выпукло разработан Л.Н. Толстым в его романе “Война и мир”. Элен Безухова — квинтэссенция этого топоса — воплощает в своем спокойствии “полное омертвение души, даже и вовсе отсутствие таковой” [Бухаркин, 2001, с. 85]. Причем, как подчеркивает П.Е. Бухаркин, предельная *оголенность, обнаженность* (курсив наш. — *И.А.*) тела Элен неразрывно связана с ее бездушным спокойствием [Бухаркин, 2001, с. 85]. Современные средства массовой информации, сами того не подозревая, развили одну из семантических линий

названного топоса: “ожившая статуя, несущая зло окружающим” [Бухаркин, 2001, с. 90]. Десакрализующая доминанта вербальной и иконической демонстрации тела в СМИ однозначно влечет за собою расщепление традиционного христианского образа человека.

Но вытеснение *телом* души и духа не есть последняя стадия “расчленения” человека в медийном дискурсе, а значит, и в медиакартине мира. Попробуем разобраться, что происходит сегодня, например, с таким особым священным понятием, как *смерть*, и со словами, входящими в его семантическое поле. Образ *смерти* сегодня активно эксплуатируется СМИ в рамках все той же стратегии секуляризации-десакрализации. А сакральным оно является во всех типах культуры (от языческих жертвоприношений до христианского благоговейно-почтительного погребения тела усопшего). Но мы будем рассматривать демонтаж священного ореола смерти именно в контексте русской культуры.

Русский культурный архетип рассматривает смерть, во-первых, не как ужасное событие или явление (в отличие от архетипа западного, в котором смерть — явление эсхатологически-апокалиптическое), но как естественный конец земного существования, границу между миром здешним и миром (таким же реальным!) загробным. Смерть — это то, что примиряло врагов, сближало любящих и настраивало человека на осознание своих грехов и на покаяние:

“Смерти бояться — на свете не жить”.

“Перед смертью не согрубишь” (или: “не слукавишь”).

“Что не родится, то и не умрет”.

“Смерть по грехам страшна. Не бойся смерти, бойся грехов!”

“Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает”.

“Бойся жить, а умирать не бойся! Жить страшнее, чем умереть”.

“Умел пожить, умей и умереть! Не умел жить, так хоть сумей умереть” [Даль, 1994, с. 180] .

“Обитая в мире символов, человек осмысливает свою неминуемую смерть, включает ее как будущее событие в свою историю и идет к ней более или менее спокойно, не прекращая земных дел” [Кара-Мурза, 2001, с. 521] .

Но так обстоит дело, пока смерть не выходит за пределы координат именно символов. Ведь символы — это оснащение нашего разума. Символы образуют свой собственный мир и живут в нем усилиями нашего разума. Мы живем в этом мире духовно и формируем и организуем нашу земную жизнь под влиянием традиционных для нашей культуры эмблем и символов. То есть в системе культурных символов патологоанатомического исследования смерти нет и быть не может. Ибо патологоанатомия — это уже абсолютная материализация физиологии смерти. Что же происходит

с символикой смерти в современном русском языковом сознании? Традиционно *смерть* у нас — понятие в первую очередь духовное. Христианское православное отношение к смерти определяет и всю систему поведения человека на похоронах и на кладбище, и отношение к телу умершего как к священному сосуду души. Синонимы *покойник, усопший, упокойник, мертвец* морфологически относятся к одушевленным именам существительным, и в семе каждого присутствует значение "человек". И только одно слово-обозначение мертвеца относится к разряду морфологически неодушевленных и обозначает не только мертвого человека, но и любое животное, — *труп* ("труп лошади", "труп кошки", "труп собаки"). В современном секулярном языковом сознании все вышеперечисленные одушевленные синонимы настойчиво вытесняются неодушевленным эквивалентом. Еще не так давно слово *труп* фигурировало исключительно в специальных (врачебных, судебных) текстах. А сегодня его частотное употребление, синергетически поддерживаемое иконическим языком (видеорядом на ТВ, фотографиями в газетах и журналах), стирает, разрушает сакрально-мистическую подоплеку смерти, органичную для русской духовной традиции, для русской картины мира. Интересен в этом отношении рассказ лечащего врача Гоголя — Тарасевича. Когда его друг, граф Толстой, желая отвлечь писателя от горестных мыслей, заговорил о легкомысленных предметах, Гоголь заметил ему с благоговейным изумлением: "Что это Вы говорите? Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте?". И доктор приводит последние слова Гоголя: "Как сладко умирать!" [Ларина, 2008, с. 286]. "Труп" — всегда без души, всегда чистая физиология, наводящая ужас, в нем заложена бóльшая абстракция и в то же время бóльшая временна́я категоричность. В семе слов *покойник, усопший, почивший* присутствует значение временности, неокончательности ("...а сон — одно мгновенье, // И рано ль, поздно ль пробужденье, // Но должен наконец проснуться человек" — Ф.И. Тютчев) и бесстрастности данного состояния — состояния покоя. По опыту мы знаем смерть с рождения: ложимся спать и во сне впадаем в полное забытье, нас нет, переживается как бы минисмерть. Но каждый вечер все-таки ложимся спать. Хорошо известны Богосозерцательные размышления свт. Игнатия (Брянчанинова) о природе как отражении смерти и воскресения. *Хатой* или *домовиной* называл русский крестьянин гроб, который готовил себе задолго до последней минуты. Православно-христианское (а в нашем контексте это значит — русское) мировоззрение видит в смерти не потерю жизни, а приобретение вечности.

Но современные люди так часто видят на экране именно *трупы* и читают описание именно *трупов*, что смерть становится обыден-

ной и несимволичной, выходит из координат священных символов христианской культуры. Образ смерти и его деформация в современных СМИ — это наиболее выпуклый пример нагнетания "эстетики безобразного" (т.е. антиэстетики, эстетики без образа). Фактически, это формирование предельно натуралистичной, безóбразной картины мира, что не вписывается в картинномирный контекст даже примитивных культур.

С символом смерти связано и христианское представление о типах кончины. Русский культурный архетип высшей степенью признает мученический конец. При этом даже в советскую эпоху, с антирелигиозной идеологией, люди, пострадавшие за Родину, включались в народном сознании в сонм мучеников. И литературные персонажи, на которых воспитывалась советская молодежь (Мальчиш Кибальчиш, Бонивур), оставались в рамках традиционного культурного сознания. Осмеяние, осквернение, т.е. кощунство по отношению к таким персонажам отечественной истории, как Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, составляют звено той же цепи десакрализации традиционной картины мира. Кощунство по отношению к ним, уже известным нам, совершенно закономерно подготовило создание вакуума небытия вокруг нынешних мучеников, причем мучеников и за веру и за отечество (Здесь можно вспомнить воина-мученика Первой Чеченской войны Евгения Родионова).

Подмена понятий, "семантический терроризм", "создание слов-амеб" антиязыка также направлены на разрушение традиционных сакральных представлений народа. Интересна в этом отношении номинация чеченских сепаратистов в Первой и Второй Чеченской войнах. Явно безоценочное обозначение "боевик" кочует из материала в материал, как бы демонстрируя "политкорректность" официальных российских СМИ. При этом в Первую войну синонимами к нему выступали "партизан" и "Робин Гуд" (характеристика Басаева правозащитником Ковалевым), обладающие абсолютно положительной коннотацией в русском языковом сознании. Причем в отличие от второго, явно литературного и заимствованного по происхождению компонента, первый приобретает эту *положительную коннотацию в силу трагической военной истории России* (уместно вспомнить здесь и 1612, и 1812, и 1941—1945 гг.). Вторая кампания, открытая уже после взрывов в Москве, оперировала иными понятиями, с абсолютно противоположными коннотациями: "террористы", "бандиты"; причем последняя номинация выражает крайнюю степень отрицательной оценки обозначаемых ею субъектов.

Подмен подобного рода в современном русском языке очень много ("*лидер*" вместо "*руководитель*", "*электорат*" вместо "*изби-*

ратели", "*киллер*" вместо "*наемный убийца*"), и дело не в иностранном происхождении новых слов, а в безоценочности их значений для нашего сознания. А ведь многообразие оценок, особенно морально-этических, — одна из важнейших составляющих русского слова [Вежбицкая, 2001]. Интересен пример манипуляции со словом "простец" в уже упоминавшейся выше книге Джоан Роулинг про Гарри Поттера. Простые люди (не маги) называются там простаками, *простецами*, маглами (mage-less — не владеющий магией, "muggle" — марихуана (жарг.), mug — дурак, которого легко обвести вокруг пальца, to mug — разбойное нападение). Переводчик М.Н. Литвинова настойчиво повторяет именно вариант "простец", хотя в русском сознании это имя существительное имеет положительную эмоционально-оценочную составляющую. *Простецами* на Руси и в России называли и до сих пор называют в православном мире людей, не получивших серьезного светского традиционного образования, но достигших высочайшего уровня в духовном делании. Простецами были прп. Серафим Саровский, прп. Силуан Афонский, прп. Нектарий Оптинский. Иначе как кощунством подобные переводческие пристрастия назвать, конечно, нельзя.

Однако есть такие понятия, которые осквернены, десакрализованы, но не заменены ничем, или их замена навязывается на уровне подсознания. Это такие слова, как *родина, отечество, держава, патриотизм, нация, армия, история*. Понятие *патриотизм* полностью десемантизировано. В противовес традиционному словарному пониманию в сегодняшнем официальном языке СМИ "патриотизм" — явление негативное. Не последнюю роль в подобной интерпретации понятия *патриотизм* и образа патриота в современной медиакартине мира сыграла агональная публицистика оппозиционной печати, часто с псевдо- и урапатриотческой доминантой. Метонимический перенос отрицательных качеств отдельных личностей, позиционирующих себя как патриотов, на само понятие исключил его из иерархии святынь современного языкового сознания.

Низкая частотность высоких слов *родина*, *отечество*, *держава* и их замена "*этой страной*", *Россией, РФ, государством* однозначно влечет за собой размыкание в языковом сознании понятий *Я — Патриот — Родина — Россия* (в эту же сакральную цепочку входит и *Армия*, которая сегодня включена почти исключительно в негативный контекст). Конечно, подобное "разъединение контактов" случилось не вдруг и не сразу. Наследники блестящего оратора Троцкого, провозгласившего "Будь проклят патриотизм!", лишь оттачивают, оранивают этот лозунг, но уже не на риторическом, убеждающем, а на манипулятивном, т.е. антириторическом, уровне.

А разрушение этих символов-понятий несет в себе, несомненно, мистическо-сакральный смысл.

Патриотизм сегодня заменен пацифизмом, хотя многие социологи и политологи считают, что "*пацифизм* вовсе не всегда знак выношенных убеждений — иногда он просто *обратная сторона гедонизма* (курсив везде наш. — *И.А.*), глубоко пустившего корни в европейскую почву. Жизнь человека — высшая ценность, и на свете нет ничего, что могло бы заставить ею жертвовать" [Агеев, 2002, с. 24—27].

Стратегия ***гедонизма*** и стратегия ***предельного секуляризма*** — две из четырех генеральных стратегий, во власти которых полностью оказались современные отечественные средства массовой информации (На наш взгляд, в деятельности современных СМИ сегодня наиболее явно прослеживаются ***четыре генеральных стратегии***: ***стратегия катастрофы*** с доминирующей тактикой "культурного шока", ***стратегия обмана*** — с эвфеместичной тактикой манипуляции, ***стратегия гедонизма*** — с тактикой игры и травестирования традиционных смыслов и ***стратегия предельного секуляризма***.) Основной чертой стратегии гедонизма, или, если оставаться в рамках "военной" терминологии, тактикой, следует признать то же смещение традиционной ценностной парадигмы нации, которое доминирует и в стратегии секуляризации-десакрализации.

Между тем русское языковое сознание органично впитало в себя не гедонистическое отношение к жизни. Ключевые для нашего эмоционального самосознания понятия *Смирение, Царство Небесное, Мученичество, Нестяжание* подтверждают этот тезис. Но сегодня они вытесняются или практически вытеснены другими ключевыми понятиями, чуждыми нашей ментальности: *Нестяжание* как жизненный принцип заменено на *Богатство; Смирение* как тип поведения на *Успех*; *Мученичество* как духовное самоощущение на материальный *Комфорт*; *Царствие Небесное* как цель жизни — на *Славу* (*земную*).

Это отмечается не только отечественными исследователями (А. Панченко, В. Живов, Д. Лихачев, Н. Цветова), но и учеными других стран. Интересным представляется взгляд на русский менталитет ректора Токийского института иностранных языков, известного в Японии переводчика Достоевского Икуо Камэямы. По его мнению, такие традиционно называемые качества души русского человека, как открытость и широта, не являются для русских основополагающими: "Нет, это неинтересно! Я об этом долго думал и вот что скажу. Самое главное в русской душе — готовность к самопожертвованию! Квинтэссенция русской души — это именно самопожертвование. А то, что вы назвали, это, так сказать, на

виду у всех, но это банально, на это все указывают...” [Верлин, 2009, с. 12].

Есть ли какая-то сила, которая противостояла бы и сдерживала бы стремительное движение этого вектора разрушения? Да, есть. Это Церковь. Но несмотря на высокое качество создаваемых ею сакрально ориентированных текстов, количество их не может даже приблизиться к количеству коммуникативных знаков-“клонов”. Более того, последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы, сегодня модернизируется как все. Вот что пишет С.Г. Кара-Мурза в своей книге “Манипуляция сознанием” об издании Новой Библии в Англии: «Теологи старого закала назвали ее “модерн, но без Благодати” (само понятие Благодати из нее изъято и заменено “незаслуженными благами”). Вычищены из Библии и понятия Искупления и Покаяния. И, наконец, ключевое для христианства слово *распятие* заменено “прибиванием к кресту”. <...> Как сказал архидьякон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание» [Кара-Мурза, 2001, с. 97] .

Подводя итог небольшому исследованию, можно сказать, что ***секуляризация-десакрализация современного русского языкового сознания — это одно из стратегических направлений языковой политики СМИ***. Приемы, которые средства массовой информации используют в своей деятельности, можно систематизировать следующим образом:

1) десемантизация собственно религиозных культовых понятий, введение их исключительно в секуляризованный контекст;

2) десемантизация священных понятий русской картины мира;

3) разрушение мира традиционно священных символов через подмену понятий, создание слов-амеб, “семантический терроризм”, а также через очернение, осмеяние, оскорбление, “кощунство”;

4) нагнетание “эстетики безобразного” как высший предел разрушения культурных символов;

5) детабуизация и активизация жаргонной лексики и лексики телесного низа и вытеснение ею лексики высокой.

Наука о языке СМИ сегодня может открыто констатировать разрушительные тенденции в деятельности “четвертой власти”. Аксиологический подход однозначно позволяет сделать вывод, что разрушается система традиционных ценностей и ценностная картина русского языкового сознания. Взамен СМИ создают антисистему, или заимствуют чуждую нам систему (она ни хороша, ни плоха, она — другая). Но сказать, что эта система другая и чужая, — мало. Необходимо с помощью трактования скрытых смыслов слов, описания синергетики всех знаков на ТВ, радио и на газетной полосе, вообще всей имплицитно и эксплицитно представленной в СМИ информации, дать оценку этой системе и таким

образом сцепить, объединить герменевтический и аксиологический подходы, т.е. сделать герменевтический анализ частью аксиологического. Это уже следующий этап исследований. И возможен он только в рамках риторики, так как риторика сегодня выступает в качестве "философии словесно-речевой культуры" [Океанский, 2005, с. 23]. Опираясь на традиции национального системного, дисциплинарного знания и сама воплощая в себе это знание, риторика может противостоять мозаично-клиповой, а сегодня уже — сетевой, внеиерархической и внесистемной, культуре.

Список литературы

Агеев А. Закат Европы и шанс России // Профиль. 2002. № 46 (от 9 декабря).

Бухаркин П.Е. Риторика и смысл: Очерки. СПб., 2001.

Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов. М., 2001.

Верлин Е. Энергия от "Братьев Карамазовых" // Русский мир. 2009. № 1.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994.

Живов В.М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.

Ларина Н. "Жизнь от Бога мне дана". М., 2008.

Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991—2000. М., 2003.

Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. М., 2007.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.

Литвинов Ю.В. Об иностранных заимствованиях в русском языке // Мир русского слова. 2008. № 3.

Малый Академический словарь (МАС). М.,1985—1989. Т. IV.

Океанский В.П. Целое и проблемы риторики. Иваново; Шуя, 2005.

Осипов А. Какова правильная вера: о духовной жизни сегодня // Православная беседа. 2008. № 2.

Православие: от А до Я (Атеистический словарь). М., 1986.

Саввино-Сторожевский монастырь: Альбом. М., 2007.

Словарь современных понятий и терминов. 4-е изд., дораб. и доп. / Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. М., 2002.

Цветова Н.С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. СПб., 2008.

Шмид-Кляймер Р. Изабель Верт: Она посвятила жизнь лошадям // Horse owner. 2007 (май). № 001.

Поступила в редакцию
17.10.2009